

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.11>

Хагожеева Лиана Славовна

ЖЕНЩИНА-ВОИТЕЛЬНИЦА В АДЫГСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Представители военно-аристократических сословий во всех жизненных обстоятельствах руководствовались понятием чести, включавшей неукоснительное соблюдение установленных правил дворянского кодекса. В соответствии с этим в историко-героических песнях и плачах создается образ идеального героя-воина, мужественного и бесстрашного защитника своей родины, неукоснительно следующего принципам и установкам уэркъ хабзэ. Данная работа показывает, что основополагающие принципы уэркъ хабзэ распространялись не только на мужчин, но и на женщин, принадлежавших к аристократическим сословиям. Более того, адыгские женщины являлись носителями этого национально-специфического кодекса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 270-274. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Звезды Млечного пути (Шыхулагъуэм и вагъуэхэр)**: сборник произведений молодых авторов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 205 с.
6. **Кочесокова М. М., Конукоев А. Х., Ходжаева Ж. Х. и др.** Молодая ветвь (КъудамэщIэ): стихи и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 176 с.
7. **Нартокова А. Р.** Ложь и правда жизни. Сила любви. Рассказы (ГъашIэм и щIымрэ и пэжымрэ. Лъагъуныгъэм и къарур) // Молодая ветвь (КъудамэщIэ): стихи и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 134-167.
8. **Нартокова А. Р.** Сила любви (Лъагъуныгъэм и къару): рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2013. 80 с.
9. **Нафедзов М. Х.** У каждого своя манера любить (Щхъэж и гухэль щIыкIэ иIэжщ) // Ошхамахо. 2011. № 4. С. 62-69.
10. **Шомахова З. Х.** Мадонна: рассказы, новеллы. Нальчик: Эльбрус, 2014. 104 с.

EVOLUTION OF MODERN KABARDIAN PROSE: THEMES AND PROBLEMS

Khavzhokova Lyudmila Borisovna, Ph. D. in Philology
*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik*
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

In the article, the overview analysis of the evolution of modern Kabardian literature by the example of the works of several young authors: M. Gucheva, Z. Shomakhova, M. Nafedzov, R. Zhambekova, A. Dzagashtov, A. Nartokova, is presented. The purpose of the study is to determine the ideological and thematic focus of the works by the writers, who entered the Adyghe literary process at the beginning of the XXI century. The main task is to identify the problems and dominant motive lines in their works. The attention of the author of the article is drawn to the compositional and stylistic peculiarities of prose works – short stories and stories.

Key words and phrases: prose; creativity; Kabardian literature; motive; themes; problems; ideological and thematic focus.

УДК 82; 938.8(512.142)

Дата поступления рукописи: 02.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.11>

Представители военно-аристократических сословий во всех жизненных обстоятельствах руководствовались понятием чести, включавшей неукоснительное соблюдение установленных правил дворянского кодекса. В соответствии с этим в историко-героических песнях и плачах создается образ идеального героя-воина, мужественного и бесстрашного защитника своей родины, неукоснительно следующего принципам и установкам уэркъ хабзэ. Данная работа показывает, что основополагающие принципы уэркъ хабзэ распространялись не только на мужчин, но и на женщин, принадлежавших к аристократическим сословиям. Более того, адыгские женщины являлись носителями этого национально-специфического кодекса.

Ключевые слова и фразы: историко-героические песни; дворянский кодекс; воин-рыцарь; женщина-воительница; стойкость.

Хагожеева Лиана Славовна

*Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского центра Российской академии наук, г. Нальчик*
Liana1771@mail.ru

ЖЕНЩИНА-ВОИТЕЛЬНИЦА В АДЫГСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Историко-героические песни представляют собой целый пласт народного словесного искусства, в котором запечатлены события, определившие социально-историческое, культурное направление развития адыгских народов. Жанровый характер, проблематика и тематика историко-героических песен связаны, как правило, с описанием военных подвигов их героев. Основное их назначение состоит в описании и возвеличении героев в соответствии с общепринятыми нравственно-этическими канонами, среди которых особое место занимало уважение к женщине.

Защита чести женщины – один из необходимых компонентов кодекса чести адыгских воинов-рыцарей. Тебу де Мариньи также приводит свидетельство подобного отношения к женщине: «...гарнизонные канониры обманули доверие одного черкеса, изнасиловав его жену; несколько районов поклялись отомстить за это и заявили паше, что будут нападать на всех турок, коих они встретят, до той поры, пока возмещение не будет соизмеримо огромности оскорбления; они добавили, что война их вовсе не страшит и что если у турок есть крепость, то у них есть горы» [12, с. 129].

В предании, сопровождающем песню об известном воине-наезднике Нашхожуко неистовом («Нащхъуэжьыкхъуэ ябгэ» – «Песня о Нашхожуко неистовом»), рассказывается, что враги (ногайцы) ограбили аул, когда он был в отъезде, и вместе с добычей увели его жену. Жители аула во главе с князем устроили погоню, но не смогли одолеть противника. Узнав о случившемся, Нашхожуко обратился к жителям с призывом вновь

отправиться в погоню. Однако они не согласились. Тогда Нашхожуко один настиг грабителей, отбил жену и, оставив им награбленное имущество своих односельчан, возвратился домой.

(Уэ) шытхуэ к1эльэфтэкэ 1уильэфтэкэ 1уильэфри екьут мэзауэри,
Мэзауэ [13, т. 3, ч. 1, с. 213]!

(Уа) он на чалом коне длиннохвостом уташил
и [врагов] разбил, сражаясь... (здесь и далее перевод составителей книги. – Л. Х.).

В варианте текста, опубликованном в сборнике «Кабардинский фольклор», о Нашхожуко поется:

Хоть буланый хвост волочит свой,
Но Нашхожико страшен в сраженьи [7, с. 265-267].

Отображением этого принципа служит пословица «Ц1ыхубз пшэрыхь хуцанэ», означающая, согласно трактовке Б. Х. Бгажнокова: «Женщине причитается доля [охотничьих трофеев]» [6]. В более широком смысле она употреблялась для выражения уважительного отношения к женщине. Статус женщины в адыгском обществе, как свидетельствуют данные фольклора, был настолько высок, что она могла остановить намечавшийся конфликт, кровопролитие между мужчинами. Например, в предании «Ещ1энокъуэ Атэбий» один из персонажей, жестокий и могучий Къуийц1ык1у и къуэ Дэгужьей – (букв.) сын Маленького Плешивого уже готов броситься на противника – Атабия Ешанокова: «Занщ1эу маф1эу къызыщ1энащ, шхьэ ф1эхыным шыхуе1эм, хьыджэбзым и шхьэм тель 1эльэщ1ыр зытрихри ельэуаш: “Алыхь укьэзыгьэщ1ам узэклэуэл1эжыным хьэтыр и1эу шытмэ, бук1ынукъым”, – жи1эри. Лыг1ым я кум зыкьыдидзэри зэрыук1ыну 1эмал ярымьт хьуаш. Ауэ шыхьум: “Ц1ыхубз пшэрыхь хуцанэ” жи1эри Дэгужьейм и 1эшэр ирилхьэжаш» [3, т. 2, с. 120-121]. / «Вспыхнув, как огонь, уже готов был снести голову [противнику], но девушка сняла с головы платок и попросила: “Во имя аллаха, создавшего тебя, если ты уважаешь тех, куда мы отправляемся [т.е. своих родных], не убьешь его”, – сказав. Бросилась между двумя мужчинами и не дала им убить друг друга. После этого: “Ц1ыхубз пшэрыхь хуцанэ” – “Женщине оказываю честь” – сказал Дагужьей и вложил оружие [в ножны]». Герои преданий, так же как в сказке, предлагают спасенной ими девушке выбор: отправиться домой, вернуться к жениху или стать ему сестрой. Девушка отклоняет оба предложения и, в свою очередь, изъявляет желание стать ему женой: «...уэ лы уьумэ, фыз сэ сыхьунуш» («Ещ1энокъуэ Атэбий») [Там же, с. 122]. Эта формула, свойственная художественной стилистике волшебной сказки, встречается и в текстах преданий.

В адыгских историко-героических песнях и плачах находят отражение установки и принципы, которым следовали, в первую очередь, женщины-дворянки и княгини. Это и уже упоминавшийся выше принцип «уэркъ хашэкьым» – «дворяне не доносят [не клеветают]». «Ди адэр уэркъти, дэ дымыхашэ» [1, с. 100]. / «Наш отец уорк – мы не доносим [не клеветаем]» («Лабэдэсхэм я гьыбзэ» – «Плач лабинцев»).

Как и мужчины, женщины, в соответствии с правилами и установками уэркъ хабзэ, проявляют мужество и стойкость перед лицом опасности и смерти. В песне «Разорение аула» «благородная гуаша» – княгиня Шарухова, видя гибель своих односельчан, предпочитает разделить их участь. Она не пытается спасти свою жизнь, не желает подвергаться унижениям и бесчестию и, подставившись под пули, дает убить себя.

«Сэ сыт папщ1эк1э зыхэзгьэнрэ?» –
Же1ари къыгъазу зезыгьэук1ыр
Шырыхьум фэ фи гуашэф1щ [Там же, с. 104]. /
«Почему я должна остаться [не разделить участь других]?» –
сказав, кто поворачивается и смерть принимает?
[это] Шаруховых ваша гуаша благородная.

Аналогичным образом поступает и другая героиня – молодая, только что обрученная невеста Гуашахурей Шогенова – Шоджэнхэ Гуашэхурей. Ее отец – бесстрашный уорк Шумахо Шогенов, в надежде спасти малолетнего сына от смерти, привязывает его к стволу своего «прославленного эржибовского ружья» и сбрасывает со скалы, поручая его жизнь богу, а сам пытается отбить и защитить дочь Гуашахурей.

Дыщэу сэ си ерыжыбымрэ
си быным я нэхьы к1асэмрэ
Тхьэ льяп1эм и анэмэтщ [Там же]! /
Золотой мой ержиб,
и младшего из моих детей –
тебе вручаю – Тха!

Гуашахурей, видя обреченность попыток спасти ее и предпочитая гибель бесчестию и унижению, подставляет себя под пули и погибает:

Уэ и адэу Шуджэн Шумахуэр
игъащ1эк1э шыщхьэмыгъазэщ
Дэ, бзылхугьэм дымыхэбзэхэу
фочыбжьэк1э дырагьэзаш, – же1эри
Къыгъазу зезыгьэук1ыр
Шоджэнхэ япхьуэ Гуашэхурейщ [Там же]. /

Отец ее – никогда не отступавший [бесстрашный],
«Не было в обычае у нас трогать, [теперь же]
ружейными штыками нас гоняют» – [сказав],
Повернувшись, убить себя дала
дочь Шогеновых Гуашахурей.

Следует отметить, что традиционно, в соответствии с рыцарским кодексом «уэркъ хабзэ», адыги во время ведения войн женщин, детей и стариков не подвергали насилию и не убивали. «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток...» – отмечал Т. Лапинский, – «изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук, ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами, которыми... сопровождается война, совсем неизвестны» [10]. Сдавшиеся во время боя в плен воины пользовались у черкесов безусловной неприкосновенностью (*Лы пхам лы еуэркъым – Связанного мужа [настоящий] мужчина не бьет*). Особые знаки внимания уделялись пленницам – их нельзя было вести пешком. Если среди пленных оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня. Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человека. Даже если кто-то и позволял себе подобное, его сравнивали с женщиной, говорили, что он не мужчина.

В работе А. В. Кушхабиева «Черкесская диаспора в период османского монархического режима» приводится свидетельство британского военного, майора Пинкстон-Уарлоу: «Черкесы сильные и хорошо вооруженные, делают то, что, по их мнению, правильно, и никто не противостоит им. Поскольку они всецело являются хозяевами ситуации, они заслужили некоторое уважение за свою выдержку. Их ни разу не обвинили, даже те, кто более всего настроен против них, за насилия над женщинами. Они воздерживаются от кровопролитий, насколько это возможно» [9]. Будучи побежденными, находясь вдали от исторической родины, терпя лишения, а порой враждебное отношение, притеснения, черкесы продолжали придерживаться принципов и установок адыгского кодекса чести.

Русско-кавказская война стала крушением цивилизационных основ адыгской рыцарской культуры и, соответственно, гуманных правил ведения войны. Столкнувшись с проявлениями жестокости по отношению к беззащитным: убийствам детей, беременных женщин, насилием, – правила «благородной вражды» подверглись изменению. «В разговоре с Зассом, – писал Н. И. Лорер, – я заметил ему, что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же ответил: “Россия хочет покорить Кавказ во что бы это ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой?.. Тут не годится филантропия, и Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим успевал более нашего”. В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище» [11]. Во время русско-кавказской войны в ответ на карательные экспедиции русских войск, результатом которых была гибель беззащитных женщин и детей, как возмездие, следовали ответные набеги на линейные станицы, кордоны, в которых погибали их жители.

В адыгских историко-героических песнях и плачах, в отличие от волшебных сказок [4], отсутствуют образы женщин, взявших в свои руки оружие. В адыгских преданиях можно отметить лишь отдельные немногочисленные сюжеты и мотивы, в которых фигурируют женщины, в той или иной степени причастные к военным действиям. Примером подобного сюжета служит предание о Лашин – женщине-пелуане, победившей в борцовском поединке врага, одного из борцов Китай-хана [3, т. 2, с. 90-93].

Мотив участия женщин в сражении с калмыками отмечен в кабардинском предании о герое Боре (Борэ 1умахуэ), «Къалмыкыдзэ» – «Калмыцкое войско». В сюжете предания десяток женщин, возглавляемых «некой длинной невесткой Кардановых», вооружившись колями, участвуют в обороне: «Къардэнхэ я нысэу зы физ к1ыхь гуэрим физ зы бгъупщ1 кызэщ1игъэулуэри, “Фынак1уэ, хъэдэлус хъун, дил1хэр мэзауэ, дэ мыбдеж ауэ дызыхэсын, нэгъуэщ1 мыхъуми къалмыкь удэрэщхъуа къэдгъуэтмэ, бжэгъук1э дук1ыжынщ”, – жи1эри, бжэгъу зырыз къаштэри къежаш» [Там же, с. 110]. / «Кардановых некая невестка длинная собирает с десяток женщин. – Пойдемте, чтобы вы стали поминальной пищей, хотя бы какого-нибудь оглушенного калмыка найдем и убьем колями». Дальнейшее повествование с определенной долей иронии описывает, как предводительница женщин – «длинная» невестка Кардановых сбивает «сосруковым копьем» (т.е. колом), сидящего на дереве, по традиции наблюдающего за сражением и сочиняющего песню песнетворца-джегуако. Женщина упрекает его в том, что он не сражается, а сидит на дереве и «поет-кричит». Джегуако, сбитый на землю, продолжает импровизировать стихи и поэтому, как отмечается в предании, появляются строки: «Къардэнхэ фи нысэ к1ыхь мыгъуэр сосрыкъуэбжк1э кыск1эщ11опыджэ, джэгъуак1уэр зытес жыгей шыгъуэр щ1ыт1 брум нысф1ыдегъальзэ» [Там же]. / «Кардановых ваша невестка длинная сосруковым копьем в меня тыкает, джегуако, сидящего на дереве, спрыгнуть в ров заставляет».

Иронический оттенок в изображении «длинной» невестки Кардановых несколько неожидан для жанра исторического предания и, возможно, связан с установкой, что женщина, согласно этическим и этикетным нормам, не должна участвовать в военных действиях.

Опосредованным образом, через призму ее создателей, карачаевских народных певцов, отображается участие женщин в обороне своего аула в песне «Большой Хож». События, о которых поется в карачаевской песне, отображены также в различных адыгских вариантах песни «Разорение аула» – «Лабэдэсхэм я гыбзэ» (кабардинская версия) и др. В адыгских песнях женщины жертвуют собой, намеренно подставляются под пули, предпочитая бесчестию смерть. Ни в одном из вариантов песни нет упоминаний о женщинах, взявших

в руки оружие. Женщины же аула Хож в карачаевской песне изображаются сражающимися наравне с мужчинами («Ой, в Хоже семь красавиц насмерть сражаются...») [1, с. 381-383].

Представляет интерес предание, сопровождающее песню-плач о знаменитом военном предводителе шапсугов, герое русско-кавказской войны Коджебердуко Мхамате («Къоджэбэрдэдыкъо Мыхьамэты игьыбз» – «Плач о Коджебердуко Мхамате»). Согласно преданию, Коджебердуко Мхамат по настоянию шапсугских старейшин сватается к известной шапсугской красавице Ханифе. Девушка поставила условием своего согласия выплату не обычного калыма, а трофейной пушки, добытой в бою (отсутствие пушек у адыгов приводило к большому числу жертв). Она ставит это условие, движимая желанием помочь сражающимся, надеясь, что такому прославленному воину, как Коджебердуко Мхамат, это по плечу [13, т. 3, ч. 2, с. 91]. Мхамат с соратниками нападает на Туапсинскую крепость, захватывает и доставляет невесте пушку, однако во время боя он был тяжело ранен и умирает. В плаче, сложенном от имени невесты, наряду с картиной бушующей вокруг войны содержится описание чувств героини, которая вместо свадебной церемонии вынуждена увидеть тело своего жениха, привезенного на груде его коня:

...Пк1эгьуалэ гущэри тещэм къащэжьы гущэми
сыпагьочы гущэри сызыпэгьопль,
Сыпагьочы гущэри сызыпэгьоплы гущэри
и шьтхы гущэми лыпц1агьэр иты,
Сыгор мак1э гущэри сыкъзэхафэ гущэри
псы с1уагафэ гущэри сыкъэнэхъэжьы.
Сыбгьэунэхъу гущэри си махьэиэты, гущэри,
хэт мыгьо гущэми себгьэзэгьыны,
Хэт мыгьо гущэми себгьэзэгьыны, гущэри,
фэщьхафэ гущэми езэгьыгьуае [Там же, с. 90-91]!
... Белому коню, на свадебную встречу которого ведут,
навстречу выбегаю, чтобы увидеть того, кого жду.
Навстречу выбегаю, чтобы увидеть того, кого жду –
на спине коня – спекшаяся кровь.
Мне плохо стало, и я упала,
мне воды дали, я очнулась.
Ты меня обездолил, мой Мхамат,
с кем, о горе, теперь судьбу свяжу?
С кем, о горе, я теперь судьбу свяжу,
с другими мне ужиться трудно будет!

В статье М. А. Текуевой приводится сведение о записанном среди адыгов Турции предании, в котором история о Ханифе получает дальнейшее развитие. Ханифа, передевшись в мужскую одежду, никем не признанная, сражается вместе с мужчинами. В одном из столкновений она погибает, и только после ее гибели соратники узнают, что рядом с ними сражалась девушка [14].

Аналогичные факты, свидетельствующие об участии в той или иной форме шапсугских женщин в войне, содержатся в статье Е. Чистяковой «Религия и бытовое положение женщины у шапсугов» [15], в которой приводятся сведения о двух женщинах, участвовавших в войне. «Шапсугский народ, – отмечает Е. Чистякова, – сохранил в своей памяти образы отдельных героических женщин – участниц национально-освободительной войны на Кавказе. Не один раз мы слышали про храбрую Айшет, которая помогала своим трем братьям, непрерывно заряжала для них ружья, когда они сражались. В честь ее гора близ аула Кирова зовется Айшетдаг (сообщили Аюб Бгано, Кеч Тлиф – известный сказочник и исполнитель песен из аула Красно-Александровский и др.). Хатах Скабо рассказал нам также про Нагучеву, происходившую из его аула: верхом на белом коне она неустрашимо сражалась во главе отряда из 15 человек» [Там же, с. 34].

В кабардинском фольклоре отсутствуют, а быть может утрачены, произведения о героинях, участвовавших в войне. Отсутствие упоминаний о подобных фактах в фольклоре у кабардинцев с их «аристократическими» формами общественного устройства свидетельствует о более строгом разграничении общественных социальных женских и мужских ролей. «Можно предположить, – отмечает З. Ж. Кудева, – что почти полное отсутствие в более позднем по происхождению фольклоре (жанрах исторической песни, предания) образов женщин-воительниц связано с изменениями патриархальных форм общественного устройства и возникновением феодальных общественных структур, наиболее активно происходивших в “аристократических” племенах, которые сопровождалась формированием новых, воинских и рыцарских, по сути, нравственно-этических установок и критериев. Эти процессы в меньшей степени затронули так называемые “демократические” племена – шапсугов, абадзехов. Отсутствие образа женщины-воительницы в более поздних исторических преданиях, историко-героических песнях и плачах в общеадыгском фольклорном континууме и существование шапсугского предания о войне-девушке Ханифе Казиевой [а также Нагучевой, Айшет], могут служить отображением исторического процесса трансформации социокультурной функции женщины в традиционном адыгском обществе» [8, с. 80].

Как было указано ранее, основная направленность историко-героических песен – отображение определяющих качеств идеального образа воина-рыцаря, который также создавался и женщинами-исполнительницами песен-плачей.

В данном случае женщины выступают как импровизаторы, создатели и исполнительницы песен-плачей о погибших героях, выполняя функцию соционормативных регуляторов и трансформаторов этнической традиции. Таким образом, создавая и величая в песне героя, исполнительницы адыгских героических песен-плачей культивировали основные установки и принципы адыгского нравственно-этического, воинского кодекса чести. Проведенный анализ показал, что, не ограничиваясь констатацией фактов, величанием героев и порицанием нарушителей основных нравственно-этических принципов и норм, женщины, принадлежащие к знатным сословиям, сами неукоснительно следовали принципам и нормам кодекса уэркъ хабзэ.

Список источников

1. **Адыгские песни времен Кавказской войны** / под общ. ред. В. Х. Кажарова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 437 с.
2. **Адыгэ хыбарыжьхэр** / зыгъэх. Х. Къэрмокъуэ (Старинные адыгские предания / сост. Х. Кармоков). Налшык: Эльбрус, 1989. 157 с.
3. **Адыгэ Гуэрыуатэхэр**: в 2-х т. / зэхэз. З. Къардэнгъуц1 (Адыгский фольклор / сост. З. П. Кардангушев). Налшык, 1965. Т. 1. 339 с.; 1969. Т. 2. 412 с.
4. **Алиева А. И.** Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
5. **Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос** / зых. З. Къардэнгъуц1 (Андемиркан. Адыгский героический эпос / сост. З. П. Кардангушев). Налшык: Эльбрус, 2002. 369 с.
6. **Бгажноков Б. Х.** О структуре и функции паремии «Ц1ыхубз пшэрыхъ хуцанэ» // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1981. С. 65-77.
7. **Кабардинский фольклор** / общ. ред. Г. И. Бройдо; ред. Ю. М. Соколова; вступ. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа. М. – Л.: Academia, 1936. 650 с.
8. **Кудаева З. Ж.** Локальная социокультурная специфика образа женщины в адыгском фольклоре (предание о Ханифе Казиевой) // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: в 3-х ч. Уфа: МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2017. Ч. 3. С. 78-80.
9. **Кушхабиев А. В.** Черкесская диаспора в период османского монархического режима [Электронный ресурс] // Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры: монография. Нальчик: Эль-Фа, 2007. URL: <http://intercircass.org/?p=2161> (дата обращения: 27.06.2018).
10. **Лапинский Т.** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских [Электронный ресурс]. Нальчик: Эль-Фа, 1995. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lapinskij/text12.htm> (дата обращения: 27.06.2018).
11. **Лорер Н. И.** Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. Глава XXIII [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000101/st063.shtml> (дата обращения: 27.06.2018).
12. **Мариньи Т. де.** Поездки в Черкесию. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2006. 208 с.
13. **Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Героические величальные и плачевые песни**: антология: в 4-х т. / сост. В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев; под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1980. Т. 1. 223 с.; 1981. Т. 2. 231 с.; 1986. Т. 3. Ч. 1. 264 с.; Т. 3. Ч. 2. 487 с.
14. **Текуева М. А.** Повседневная жизнь женщины в адыгском традиционном обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-399150.html> (дата обращения: 27.06.2018).
15. **Чистякова Е.** Религия и бытовое положение женщины у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов: материалы шапсугской экспедиции 1939 года / под ред. С. А. Токарева и Е. М. Шиллинга. М., 1940. С. 27-36.

WOMAN-WARRIOR IN ADYGHE HISTORICAL-HEROIC SONGS

Khagozheeva Liana Slavovna

*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
Liana1771@mail.ru*

The representatives of military-aristocratic social estates in all the life circumstances acted in accordance with the notion of honor, which included the strict observance of the established rules of the code of the nobility. Thereunder, in historical-heroic songs and laments the image of an ideal hero-warrior, who is a courageous and fearless defender of the homeland, strictly following the principles and guidelines of the *uerk khabze* (knights' code), is created. This paper shows that the fundamental principles of the *uerk khabze* were applied not only to men but also to women belonging to aristocratic social estates. Moreover, Adyghe women were the bearers of this national-specific code.

Key words and phrases: historical-heroic songs; code of the nobility; warrior-knight; woman-warrior; fortitude.